

УДК 821.161.1

МОДИФИКАЦИИ СЮЖЕТА О БЛУДНОМ СЫНЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. СТАТЬЯ 2¹

© 2012 Э.А. Радь

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой

Поступила в редакцию 30 января 2012 г.

Аннотация: В статье показаны вариации сюжета-архетипа о блудном сыне в произведениях литературы XVII века — «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о купце», «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Исследуется внутренний диалог с мифом в художественном воплощении проблемы «отцов» и «детей». Вариативность объясняется интерпретациями координат смыслового пространства.

Ключевые слова: сюжет-архетип, инвариант, вариант, конфликт, актуализация, модификации, миф, трансформация, диссоциация, сюжетная структура.

Annotation: The article contains variations of the archetype-plot about a prodigal son in the literary works of the 17 century — “Story about Savva Grudtsyn”, “Story about Evil-Grief”, “Story about a merchant”, “Parable comedy about a prodigal son” by Simeon Polotsky. We study the internal dialogue with the myth in the artistic embodiment of the problem of «fathers» and «children». The variability is explained by the interpretations of the origin of semantic space.

Key words: plot-archetype, invariant, variant, the conflict, actualization, modifications, myth, transformation, dissociation, plot structure.

В системе модификаций архетипического сюжета вырисовывается несколько иная картина в древнерусской литературе XVII века. В произведениях этого периода прослеживаются варианты отказа от нормы и варианты принятия нормы как выражения согласия с традицией. Под нормой понимается каноничность сюжета евангельской притчи о блудном сыне с идеальным разрешением конфликта поколений (общечеловеческая норма). В модели творческого акта первого автора (Бога), имеющей конкретный и самооценный образный план — историю любви во взаимоотношениях отца и сына, повествование по мере развертывания обретает и символический, тайный смысл — становится историей о «я» и «Боге». Символ этот имеет бесконечность значений. Первостепенный мотив «отцы — дети», несущий моделирующую функцию в сюжете-ситуации, программирует и обуславливает сюжетное развитие. Каждая новая модель актуального сюжета соотносится, но не совпадает с библейской притчей как сюжетом с идеальным исходом. Реальные возможности жизни оказываются сложнее и непредсказуемее, художественно воплощаются в авторских дискурсах, репрезентированных в прямой или завуалированной форме. «Принцип соответствия — несовпадения вытекает из самой конкретно-ситуативной природы нового сюжета»

[1, 333]. Через вариации архетипического сюжета как смыслопорождающей модели в текстах разных временных отрезков отражается творческий акт индивидуально-авторского сознания писателя (как памяти), передающего библейскую «вечность» и исторические особенности. Рецептивный уровень организует коммуникативную стратегию текста по отношению к читателю, вовлекаемому в диалог с мифом и миром (реальным и художественным).

Важным звеном в эволюции мотива «отцы — дети» является памятник литературы XVI века «Домострой», содержащий христианские каноны и «моральное высшее» как ориентир и регулятор жизни и выдающий «поведенческую норму». Это связано с тем, что в этот исторический период общество, переживающее «упадок нравов», выдвинуло требование создания образцов, регулирующих и исправляющих человеческие, иерархические государственные отношения и быт. По мнению В. Соловьева, «Россия XVI века, крепкая религиозным чувством, богатая государственным смыслом, нуждалась до крайности и во внешней цивилизации и в умственном просвещении» [2]. Теоретический трактат в виде «Домостроя» предложил идеалы, повлиявшие на общественное сознание XVI века, провел грань между старой

© Э.А. Радь, 2012

1. Статья первая опубликована в журнале: Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. №2. С. 94-99.

и новой Россией, сохранив и развив традиции изнутри. Устремленный к органическому/гармоническому состоянию мира, он закончил собою длительный процесс осмысления и стабилизации средневековой эпохи, доведя её до системы, развив до предела, за которым скрывался отчасти новый взгляд на поведение человека в обществе. Значение образцовости и семантической всевременности — черты литературного памятника XVI века.

Академик Д.С. Лихачев отметил: «Идеал — это, конечно, не реальность. Но идеал — великий и бесценный регулятор жизни. А если этот регулятор доведён до дома, до семейной жизни, входит во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме и во всём требует «знать меру», то идеал, им проповедуемый, становится уже почти реальностью» [3, 13]. Устремленность к идеалу является, на наш взгляд, определяющей характеристикой древнерусской литературы и литературы XVI века, в частности. «Домострой», являющийся руководством к идеальной жизни в миру, в котором человек рассматривается как член большой семьи и представитель общественной группы или класса, предлагает концепцию Дома как первичное, исходное для достижения идеала мироустройства, образец частной жизни с ее строгим порядком, послушанием, почитанием главы, и концепцию Государства как образцового мироустройства, которое становится для человека макрозадачей. Не случайно, адресатом «Почтения отца сыну», открывающего «Домострой», призывающего всех домохозяев «следовать христианским заветам, жить с чистой совестью и по правде, в вере соблюдая волю божью и заповеди его, а себя утверждая в страхе божьем и в праведном житии...» [4, 138], по справедливому наблюдению В.В. Колесова, может быть родной сын, приемный, духовный [5, 314]. Семантика координаты «сын» расширяется. Так в конкретном (семейном) заключается общее, всеохватывающее.

Иерархичность отношений между домом небесным и домом земным, присущая общему укладу жизни, отражена в композиционном решении произведения: фундамент мирского строения и регламентация ведения домашнего хозяйства устанавливаются на правилах внутреннего *духовного устройства дома*, представленных в первых 15 главах. Домостроительство — не только «домохозяйство, домовний обиход, наблюдение за порядком в доме [6, 467], но и «домостроительство Божие о нашем спасении». Земное и небесное сопрягаются в едином словесном обозначении. Жизнь «по-божески» и правильное домоустройство предполагает беспрестанное совершенствование, стремление к идеалу. Идеал, в котором отражены христианские каноны и «моральное

высшее» всего общества, становится важным стимулом и ориентиром и представляет собой единство внутреннего (нравственного, духовного) и внешнего мира. Парадигма этики облекается в определенный набор действий, обрядов — в этикет, повязывающий человека во всех жизненных ситуациях. «Поведенческая норма» в отношениях между членами семьи, хозяином и прислугой, хозяином государства и его подчиненными составляет форму идеальной жизни.

Домострой оперирует исключительно понятием «дом», обозначая им единое хозяйственное, социальное и *психологическое целое*, подразумевая внутрисемейные и внутригосударственные отношения, основанные на господстве/подчинении, равно необходимые для нормальной жизни дома и человека в нем. «Малый мир» и мир большой сращены друг с другом и взаимосвязаны, ибо через Дом частный выражается Дом государственный. Регламентация ранее свободных отношений в «домостроевском» этикете освящается верховной властью Бога, идет сверху вниз, начиная с государя, постепенно изливаясь на самые сокровенные стороны человеческой жизни, подчиняя их себе. Весьма примечательным является наблюдение Д.С. Лихачева: «„Домострой“ — это не просто сборник по большей части мелких практических советов — как солить рыжики, или наказывать слуг и детей, или как класть чистую посуду, ложки и плошки, обязательно «опрокинуто ниц». Нет, это более широкие рекомендации — как устроить свой дом так, чтобы в него было *«как в рай войти»* (выделено нами. — Э.Р.) [3, 13]. Памятник XVI века есть попытка восстановления потерянного когда-то рая, восстановления пространства абсолютной любви. Положения этого нравственного устава аргументируются ссылками на освященные традицией тексты Священного Писания и заключают в себе народные мудрые изречения. Явления жизни, измеряемые универсальными моделями священных текстов, как бы оцениваются и народным взглядом. Утверждаемый «Домостроем» нравственный идеал, представленный через этический кодекс православного человека, отражает общечеловеческие и «вечные» проблемы бытия, философию духовности.

Дом — это и рай, психологическое целое, и та норма, которая резко ограничивала свободу, так любимую молодым поколением, от которой отталкиваются герои литературных произведений XVII века. Не принимая подобную нормативность, они пытаются «построить» в жизни свой этикет поведения, свою идиллию, свой рай. Реальная и литературная жизнь выдает новые варианты домостроения, расходящиеся с идеалами «Домостроя». Свидетельством тому служат примеры более поздних произведений,

таких как «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о купце» (XVII в.), «Комидия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого (последняя четверть XVII века), «Повесть о Фроле Скобееве» (начало XVIII в.).

В литературе XVII века наблюдается разрушение дома как психологического целого и в большей части своей его невосстановление.

Невосстановление первоначальной идиллии, противопоставленной большому миру, демонстрируют авторы бытовых повестей («Повести и Горе-Злочастии», «Повести о Савве Грудцыне»), заканчивая повествование тем, что приводят своих героев в монастырь. Исход, близкий к идеальному (для героя в сложившейся ситуации), но не совпадающий с ним, заключает в себе мотив одиночества и отказа от индивидуальности как символ спасения своей души от дьявола, от горя-судьбы. Бытовая повесть XVII века представляет конкретную коллизию своего времени, где выхода из одиночества нет. Неизбывность одиночества — плата за отречение от Бога в договоре с дьяволом. Эту модель сюжета в системе модификаций можно классифицировать как модель «Договор с дьяволом», в которой мотив договора с дьяволом является сюжетообразующим и в которой представлен типичный «портрет» средневекового человека «самовластного», своей волей совершающего поступки, ведущие к добру или злу, к правде или неправде, проявляющего «энергичность» и «живость». «Герои не желали тихо сидеть дома, их влекли дела во внешнем мире: «ныне же тот недобрый человек, кто дома остается», — читаем мы в «Темир-Аксаково действе» и обнаруживаем нечто похожее в «Иудифе» и известной пьесе Симеона Полоцкого о блудном сыне. Блудный сын Полоцкого тоже чувствовал себя «во пределах домовых, як в турме замкненный» и стремился вырваться «весь мир посещати» [7, 60].

Возникший от активности разлад с миром и конфликт отцов и детей подкрепляется в «Повести о Горе-Злочастии» словами: «Человеческое сердце несмысленно и неумичиво». Неумичивость/энергичность — от Бога, несмысленность/неразумность — отражение чисто человеческой природы.

В своей неумичивости и несмысленности человек оказывается перед выбором: принять жизнь либо как начальную идиллию, рай уготованный, либо как странствие, как большой мир, ища в жизни «лучшее», свое, добытое своими руками. «Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от... конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром». Так понимает ее М.М. Бахтин

и говорит это в отношении всего идиллического хронотопа в романе [8, 374]. Молодые герои произведений XVII века отталкиваются от начальной, исходной идиллии.

Отказываясь от рая, созданного Богом, идиллии, созданной родителями, человек вообще и литературный герой повторяют в различных его вариантах сюжет Адама и Евы. Миф об изгнании из рая мыслится как язык, на котором говорят авторы «Повестей», как символ, выступающий «в роли сгущенной программы творческого процесса. Дальнейшее развитие сюжета — лишь развертывание некоторых скрытых в нем потенций. Это глубинное кодирующее устройство, своеобразный “текстовый ген”» [9, 239]. Вечность основного смысла мифа порождает единство смыслового пространства и интертекстуальные переплетения. В произведениях XVII века варьируется библейский сюжет о блудном сыне, в них развертываются, реализуясь, координаты смыслового пространства, обнаруживается переключка с сюжетом об Адаме и Еве.

С идиллией тесно связана глубокая философская мысль о личностном предназначении. Эти понятия смыкаются и одновременно расходятся, ибо есть предназначение как норма, готовая идиллия и как отход от нормы, идиллия, которую ищет герой. Идиллия может быть выражена в согласии предназначения с традицией и в согласии человека со своим предназначением.

Свое жизненное предназначение, уготованное человеку с рождения, чувствуют с малых лет герои житий. Предназначение героев повестей XVII века, как они его понимают сами, иного рода. Это предназначение в опоре на собственные силы, что связано в литературе с развитием индивидуальности, проявлением личностных качеств, характера. В центре человек как личность.

Опора на собственные силы включает в себе творческое и разрушительное начала. Творческое начало как следствие проявления индивидуальности, ее самостоятельности выражается в отказе от идиллии, именно оно приводит к союзу с дьяволом, из которого проистекает начало разрушительное. С неумичивостью человеческого сердца, его уязвимостью перед дьяволом связана трагедия индивидуальности, изолированной в своем внутреннем мире.

От нормы жизни, проистекающей из идиллии, начального предназначения, отталкиваются безымянный молодец и Савва.

*Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и не совершен разумом:
своему отцу стыдно покориться
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо («Повесть о Горе-Злочастии»)* [10, 349].

«Савва... не послушал нimalо материнской просьбы и клятв, не придал значения им, только по-прежнему предавался страсти блудной» («Повесть о Савве Грудцыне») [10, 335].

Свобода выбора между любовью к родителям, Богу и себялюбием, праведностью и грехом реализуется в пользу второго и обусловлена *ограниченным разумом*. Ситуация выбора своего пути завершается выпадением из нормы, подверженностью испытаниям и искушениям жизни, потерей родственных отношений, отпадением от Бога. Одинокая, незащищенная индивидуальность вследствие собственной активности впадает в состояние блудного сына. Горе-судьба в разном облике становится наказанием за нечеловеческий путь, за отступничество. К мифу отсылает и коррелирует с его структурой диада мотивов «воля/своеволие — доля».

В монастыре (убежище от судьбы-доли, от себя), куда приходят герои бытовых повестей, не осуществив своего истинного предназначения, продолжается борьба с самим собой и неустанное замаливание грехов, от которых спасает божья милость и отсутствие искушений. Героям, в которых высокое соединено с низменным, не дает покоя не исчерпывающееся осознание своей вины перед Богом. Пройдя через грехопадение, в беспрестанном покаянии они лишаются навсегда начальной идиллии и *обретают идиллию относительную*. В монастыре человек находит себя не в бессилии духовного одиночества, а в силе духовного единения с Богом. Обретение психологической цельности — в свершившемся возвращении в лоно корпорации. Возвращение в отчий дом осталось невозможным, взаимоотношения поколений приобретают безвозвратный конфликтный характер. Подобный финал — логическое следствие неразумности человека, его «несмысленного сердца». Структура актуальных сюжетов бытовых повестей отразила трансформацию структуры инварианта, произведенную индивидуально-авторским сознанием, диалогизирующим с мифом и отразившим требования своего времени.

Результатом авторской текстопорождающей интенции является структурный вариант «Повести о купце, купившем мертвое тело», представляющий литературную обработку (в духе литературы демократических слоев русского общества) русской народной сказки. Яркие зарисовки купеческого быта, родственных и деловых отношений в купеческой среде, торговых поездок в чужие страны, русского свадебного обряда уводят повесть от ее народно-сказочной основы. В оригинальной по своему идейному замыслу и художественному выполнению повести герои, обстановка и действие перенесены в мир

реальных отношений русской действительности конца XVII века.

Текст архетипического сюжета также «вторгается» в повествовательную ткань произведения благодаря мотиву «отцы — дети». Повторение инварианта с мотивом «отцы — дети», содержащим генетическую программу развития и передающим конфликтность взаимоотношений, выражено имплицитно. Смысловой инвариант генерирует новый структурный вариант с сохранением начальной идиллии. *Ненарушаемость* начальной идиллии соотносима по значимости с идиллией приобретенной, добытой своими руками.

Главный герой оригинальной по идейному замыслу повести, молодой купеческий сын, «хочет быть в торгу смыслом лутче» своего отца, «хочет жити славнее и богаче» его и, стремясь разбогатеть, уезжает «за моря торговать». Это — уже знакомая читателю XVII века постановка проблемы взаимоотношений двух поколений, но в бесконфликтном варианте не-нарушения моральных норм. Выбор индивидуальности реализуется в принятии традиции и согласии с ней.

Избирая путь «по отцу», «по Богу», действуя в рамках христианских норм, герой, представляющий демократические слои общества, проходит путь самоутверждения, приемля родительский опыт и повторяя путь «знатных» героев произведений XI–XIII вв. Гарантацией благополучия в достижении целей становится благословение отца.

Идиллия — вечная, неизбывная и, главное, активная, действенная устремленность человека к ладу, порядку, гармонии в собственной жизни и непосредственно близкой ему реальности — вновь выступает сюжетобразующим компонентом, типичным для русской литературы указанного периода. Это та благая устремленность, без которой жизнь неотвратимо сползает к хаосу². В «Повести о купце» идиллия выражается в богобоязненности и благонравии купеческой семьи, в которой вырос единственный сын, опять-таки безымянный по произведению, но, в отличие от Саввы и молодца, отличающийся *разумом* и стремлением быть последователем дела своих родителей, принимающий высоконравственность поступков, верность слову, чистоту помыслов, отсутствие корысти как норму. Купеческий сын с достоинством проходит путь от идиллии, созданной родителями, к идиллии, построенной собственными руками.

Основные звенья мотивного комплекса инварианта («отцы—дети» — выбор — уход — странствие — возвращение) повторяются, но демонстрируют семиотическую неоднородность.

2. К идиллическому всегда проявлялся пристальный интерес. На нем основывались жития. Ярким примером являются «Житие Феодосия Печерского» и «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

Меняется в произведении характер двойственности. Ситуация выбора — покупать или не покупать мертвое тело у заимодавца на «торговые» деньги отца — подводит героя к дилемме между святым чувством к родителям и святым чувством к Богу. «Он нанял служителей и отнес мертвое тело в монастырь, предал его земле с честью и роздал по нем сорокоусты. А сам и думает: «Что я наделал? Четыреста рублей истратил, а что купил, и сам не знаю! Если то до отца моего дойдет, великая печаль ему будет, а на меня срам великий падет» [10, 311]. Срам с обывательской точки зрения, т. к. от «великой печали» нарушится родительская идиллия. Стыд за неоправданную отцовскую надежду толкает купеческого сына в странствие: «... он взял сто рублей и поехал от отца куда глаза глядят. Ехал он много дней и много ночей да плакал горько и рыдал о разлуке с родителями своими и о потере наследства» [10, 312]. Мотив послушания завуалированно присутствует в произведении: купеческий сын не приобрел товаров, не продолжил дело отца, а купил мертвое тело, исполнив нравственный долг перед Богом. Мысль о родителях и желание оградить их от позора не позволили ему вернуться на корабль к «сродникам». Трансформация мотивного комплекса инварианта, в котором отражены потеря родственных связей и чувство вины за содеянное, связана с сохранением духовной целостности героя с Богом, диссоциация — с отсутствием мотива грехопадения.

Кроме того, персонификация судьбы человека в лице слуги-помощника происходит в результате борьбы святынь: чувства долга перед родителями и чувства долга перед Богом, а не традиционно из-за внутреннего конфликта между низменным и возвышенным. Судьба в лице слуги-ангела посылается Богом во избежание жертвы, сохранения святости.

Суть договора между героем и его персонифицированной святостью, чистотой помыслов и бескорыстием (слугой-ангелом) — в безоговорочном послушании ангелу не во имя достижения низменных целей, а во имя сохранения психологической целостности и жизни. На готовность героя умереть «нежели родителям... великую скорбь привести», как единственный способ разрешить дилемму, ангел отвечает желанием помочь и вознаградить. Условие договора становится гарантией жизни, а гарантия жизни, в свою очередь, — наградой за правильность поступков. Эпизод, связанный с заключением договора с ангелом, — смысло- и сюжетообразующий, что позволяет нам классифицировать данную модификационную модель как одноименную («Договор с ангелом»).

Пройдя все испытания, построив собственную идиллию, купеческий сын проделывает

обратный путь — путь возвращения в отчий дом «с великою славой и честью», но возвращения кратковременного. Передвижения героя в пространстве закрепляются за конкретными пунктами: родительский дом — непроходимый лес — разбойничий двор — царство и обратно. Композиция повести, сюжет, персонажи, чудеса, преобладание вымысла над реальным изображением действительности устанавливают прямую связь с волшебной сказкой. Но фантастическое / мистическое в «Повести о купце» реально и зримо воспринимается героем, в чудо верит читатель. В «Повести о Савве Грудцыне» фантастическое / мистическое отражено во видениях мнимого мира — мира, в котором живет и который видит только Савва. Это обусловлено тем, что в судьбе Саввы наслоились друг на друга два уровня: внешний — биографический, сводящий «остроумного» Савву со множеством людей и событий, и тот духовный, в котором Савва чужд людям, внутренне изолирован от них, и по отношению к которому автор дважды говорит о «безумии» Саввы. Купеческого сына от духовной изолированности ограждает ангел-слуга.

История блудного сына художественно сближается с историей Саввы, центральная часть которой наиболее напряженно передает атмосферу неприкаянного скитания по стране. Событийно-символические границы действия определяются следующим образом: от ухода из дома — до мысленного возвращения домой, где образ дома в финале реализуется в небесном виде — в образе пресвятой Богородицы Казанской. Казань — город, где остались отец с матерью, куда не хотел возвращаться Савва (все попытки вернуть Савву в родительский дом оказались тщетными), где от лишения единственного сына «к богу отошел» отец, — в конце повести осмысливается как образ небесного отечества. Бог, а точнее пресвятая Богоматерь, приходит на помощь и разрывает духовную изолированность Саввы. Герой обретает относительную успокоенность в идиллии, которой у него никогда не было (родительский дом он как идиллию не воспринимал, хотя тот идиллией все же являлся). История блудного сына сближается с историей купца, которая демонстрирует добрый союз героя и его слуги, где слуга является не «воплощением порожденного дурной действительностью пессимизма», как Горе в «Повести о Горе-Злочасти», а воплощением уверенности героя в себе. Изначальное единение с Богом как психологическое целое выразилось в том, что человек не нарушил житейскую мораль общества, не был лишен родительского благословения, не проявил слабых характерных, не погряз в пьянстве и блуде, в конце концов, не нарушил идиллионорму и вернулся с достоинством и триумфом.

Конфликт поколений реализован как мнимый.

Очередную модификацию архетипического сюжета о блудном сыне представляет «Комидия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого (модель «Скиталец»), пьеса, также связанная с современностью и ставящая в центр злободневную проблему второй половины XVII века — проблему «отцов и детей». Русская молодежь этого времени стремилась освободиться от домостроевских догм и жить «как ей любо». В авторском дискурсе Симеона Полоцкого *точно воспроизводится в действии библейский текст*, соединяющий библейскую «вечность» и московскую современность, сохраняющий не только основную канву притчевого повествования, но и детали, реплики действующих лиц, наглядно демонстрирующий неоднозначность решения проблемы и утверждающий читателя в мысли, что идиллия *восстановима* только правильностью принятых решений.

«Чуждая далекая страна», куда отправляется в странствие герой пьесы, по наблюдению А.С. Демина, не за граница, а Россия, далекая от дома [11, 321]. Блудный сын противопоставляет не «отчую страну» и «чуждую страну», а «отчий дом» «стране чуждой».

*О коль бе благо в дому отчим быти,
нежели в страны чуждые ходити! (строки 447-448)*

Чуждая страна действительно чужая в авторских интенциях литературы XVIII века: «дети» отправляются в странствие в поисках не столько собственного счастья, сколько с целью приобретения новых знаний и прославления своей страны, что было обусловлено историческим развитием русского общества, требованиями государственной политики, коренными изменениями в экономике, философии и, следовательно, в сознании людей.

Акцентированность на мотивах возвращения, покаяния блудного сына и прощения Бога-Отца сменяется в пьесе Полоцкого «развертыванием» смысловой координаты *странствия/скитания*. Отказ от жизни домостроевской, нормированной, выраженный в критическом взгляде на устройство «отцовского» варианта жизни, коррелирует с желанием погулять, почувствовать свободу. Семантика слова «блудный» в тексте Симеона Полоцкого указывает на первостепенность смысла блуждания пространственного. Большая часть произведения посвящена биографическим эпизодам скитания героя. Сцены, подробно воспроизводящие жизнь Блудного сына на чужбине и его падение, являются творческим домыслом Полоцкого и преследуют цель озадачить зрителя/читателя вопросом о причинах этого падения.

В нарративной структуре пьесы мотивы расщепления наследия и грехопадения обретают

новые варианты своего художественного воплощения. Бремя ответственности за расточение имущества возлагается в произведении на отца, не научившего сына жить разумно, и на «злонравных» и корыстных слуг, расхитивших чужое добро и манипулирующих юношей. *Потеря* материального богатства сменяется *обретением* житейского опыта и Бога в себе. Внутренний статус человека, с достоинством, сохранившего «честь» рода, выражен в ненарушении отцовских заповедей (не был блудником, пьяницей, скупым, был доверчив, добр и дружелюбен), нежелании голодного героя есть из одного корыта со свиньями и гнева.

Мотив выбора связан с осмыслением своего жизненного пути: в первом случае — с отказом от патриархальной нормы и проявлением своеволия, во втором — с переоценкой ценностей. Укрупнение фазы *странствия*, которая составляет основу нарратива, позволило писателю внести новые смысловые оттенки в трактовку проблем отцов и детей, отличную от евангельской.

Отец, «яко мучитель», теперь для блудного сына «отче мой сладчайший», «отче мой дражайший» (строки 573-574). Домостроевский уклад отчего дома, наставления/заповеди отца приобретают понятный смысл, все, теперь милое и близкое, становится значимым. Коллизия повествования приводит к ладу и согласию, как внешнему, так и внутреннему. Низшая стадия личностного развития, проявленная в форме материальных процессов, сменяется высшей: в мире духовном она проявляется соединением своеволия с разумом. Осознание своей вины через покаяние восстанавливает гармонию веры и рассудка.

Интересна точка зрения А.С. Демина, высказанная в книге «О художественности древнерусской литературы» по поводу идейного содержания первых пьес русского театра 1670-х годов. Исследователь отмечает, что первые пьесы касаются многих тем, но одна из них проходит через все пьесы. Это тема счастья и благоденствия детей, а также связанная с ней тема благоденствия, нарушения и восстановления мировой гармонии. «Авторы пьес изображают не столько благоденствие отдельных персонажей, пусть даже самых значительных, сколько устроенность мира в целом, гармонию мира, нарушаемую назревающим конфликтом, но непременно вновь восстанавливаемую» [12, 478]. Блудный сын Симеона Полоцкого вернулся к отцу, «и весь мир для него приобретает утраченную благоустроенность и гармонию».

Гармония мира и дома как рай и идиллия — высшая устремленность человеческого существования — сопряжены с Богом, которого блудный сын в своем заключительном монологе восхваляет, понимая истинную правду жизни и смысл бытия в мудрости и в вере христианской.

Нарративная стратегия притчи предполагает наличие поучающего и поучаемого. Нравоучение авторского дискурса в «Комедии» адресовано как молодому поколению (Симеон Полоцкий рекомендует юным не быть самонадеянными, не уповать на свой молодой неопытный ум, а слушаться старших), так и старшему поколению — не научив молодых мудрости жизни, не отпускать на волю, а отпустив, быть снисходительнее к юношеским порывам и ошибкам молодости (отец Блудного сына служит ярким тому примером). И, конечно же, всем помнить о Боге — главном судии всех дел и поступков.

Симеон Полоцкий в своей поучающей пьесе, с одной стороны, максимально близко воспроизвел сам оригинал; с другой стороны, через реплики и диалоги сумел передать психологические состояния и личностные качества блудного сына, как то: открытость, наивность, печаль, безысходность, безграничную радость; развил в деталях сцены кутежей, унижения главного героя и его возвращения, сопроводив их музыкой и пением. Музыка, пение и интермедии усиливают легкое, комическое в драматическом, ибо пьеса Полоцкого по жанру больше относима к драме. А присутствие комедийного начала, которое в ранних пьесах не играет главенствующей роли в сочетании с серьезной драматургией, отвечало исконным зрелищным и литературным традициям³.

Евангельский сюжет о блудном сыне осмысливается и трактуется в произведениях Древней Руси по-новому, отражая требования различных эпох. Применяется к земным людям, но каждый раз повторяет свою суть. Мотив «отцы-дети» передает реальные отношения реальных или возможно реальных людей (исторических и вымышленных), освещается в древнерусской литературе религиозной, божественной идеей и как нельзя хорошо характеризует нравственно-этический настрой периода в семь столетий, в котором осознание идей святости и греховности, добра и зла имело первостепенное значение.

Радь Э.А.

ФГБОУВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой», кафедра русской литературы, Кандидат филологических наук, доцент.
elza_rad@mail.ru

Наше обращение к произведениям разных жанров и разных эпох подтверждает мысль, что архетипичность не знает рамок, что суть ее — в проникновении временном и в свободном художественном действии. Присутствие в текстах разных временных отрезков древнерусской литературы архетипического сюжета в эксплицитных и имплицитных формах показало взаимодействие евангельского (притчевого) кода с биографическим и историческим контекстами, отразило духовные и идеологические интенции авторов, диалогичность по отношению к созданному миру и мифу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бройтман О.Н. Историческая поэтика: Учебное пособие / О.Н. Бройтман. — М., 2001.
2. Соловьев В.Р. Национальный вопрос в России (Гл. II. О народности и народных делах России) // www.modernlib.ru/books/solovev_vladimir_rudolfovich/nacionalniy_vopros_v_rossii/read/.
3. Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) / Д.С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. — М., 1985.
4. Домострой. — СПб., 1994.
5. Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры. / В.В. Колесов // Домострой. — СПб., 1994.
6. Даль В.И. толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. — СПб., 1978. — Т. 3.
7. Демин А.С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века / А.С. Демин. — М., 1977.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. — М., 1975.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство — СПб., 2001.
10. Изборник : Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; Вступит. статья Д.С. Лихачева. — М., 1986.
11. Демин А.С. Симеон Полоцкий. Комедия притчи о блудном сыне / А.С. Демин // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. — М., 1972.
12. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы / А.С. Демин / Отв. ред. В.П. Гребенюк. — М., 1998.
13. Елеонская А.С. Комическое в школьных пьесах конца XVII в. — начала XVIII в. / А.С. Елеонская // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). — М., 1976.

Radd E.A.

Governmental educational establishment of higher professional education «Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva», Department of Russian Literature, Candidate of Philological Science, Docent

3. Подробно о комедийных ситуациях в пьесе см: [13, 73–88].